

Трибуна молодого автора

УДК 811.162.1.-31.04.09(045)

О.С. Румянцева

ОБРАЗ ДЕВЫ МАРИИ В РОМАНЕ Р. БРАНДШТЕТТЕРА «ИИСУС ИЗ НАЗАРЕТА» И ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕГО СОЗДАНИЯ

Статья посвящена образу Девы Марии в романе «Иисус из Назарета» польского писателя Р. Брандштеттера. Рассматривается развитие персонажа, анализируются лексемы, отобранные писателем для его номинации и характеристики, и их роль в раскрытии художественного замысла произведения. Устанавливается двойственность образа: показывая бедность семьи, автор отмечает царственное достоинство Мириам. Связывая ее при помощи описания внешнего облика и любви к музыке с божественным, писатель представляет ее простым человеком, сознанию которого не доступно понимание Божьего замысла. Многогранность образа актуализируется в подробно проанализированной номинации *niewiasta cienia* ‘жена тени’: обозначая зависимое положение женщины в традиционном еврейском обществе, автор выделяет богоизбранность Мириам, поскольку тень выступает метафорой Бога. Тень является также символом подчинения и самоотречения, подчеркивая некоторую пассивность образа в романе и одновременно с этим активность в реализации воли Бога в своей жизни.

Ключевые слова: образ Богородицы; польская литература; польский язык; средства создания образа; номинации; Р. Брандштеттер; «Иисус из Назарета».

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-927-932

Роман «Иисус из Назарета», совмещающий в себе черты художественной, религиозной литературы и литературной биографии, считается одним из самых важных произведений польского писателя и библеиста Р. Брандштеттера (1906 – 1987). Сам автор определял задачу, стоящую перед ним, так: «Тексты Евангелия я должен был переложить на язык романа. Фабуляризация Нового Завета требует соединения в целостный, логичный порядок событий, притч, учений, которые в Евангелии ни в коей мере не следуют одни из других ни в хронологическом порядке, ни в фабулярном. Я должен был придать текстам определенную композицию. Я должен был расширить психологическую мотивацию персонажа» [Цитируется по 2, с.195].

Значительное внимание автор уделяет Деве Марии, создавая самобытный и яркий образ, исследованию особенностей которого и посвящена данная статья.

В начале романа мы видим Мириам живой, веселой и улыбчивой двенадцатилетней девочкой: *Inaczej jednak układało się życie malej Miriam, dwunastoletniej dziewczynki, żywej, wesolej i uśmiechniętej, chociaż ubóstwo było również udziałem i jej rodziców* (17) [По-другому складывалась жизнь маленькой Мариам, двенадцатилетней девочки, живой, веселой и всегда улыбающейся, хотя бедность была уделом и ее родителей]. Семья девушки бедна, что автор подчеркивает, отмечая ее жизнелюбие, трудолюбие и готовность помогать: *Miriam, jak codziennie, krzątała się po izbie, wprawdzie ciemnej i zadymionej, ale schludnej, co było tym godniejsze pochwały <...> była to raczej pieczara niż izba* (17) [Мириам, как всегда, суежилась в комнате, по-настоящему темной и дымной, но опрятной, что было еще более достойно похвалы <...> это была скорее пещера, чем комната]. Писатель называет ее *córka Jehojakima, biednego najemnego robotnika* ‘дочь Иоакима, бедного наемного рабочего’, *nic nie znacząca dziewczyna, córka zmęczonych wyrobników* ‘ничего не значащая девушка, дочь уставших работников’.

Обозначенные выше номинации нередко вводятся в контрасте с намеками на царственность Марии: *Miriam <...> czuła się w tej ciasnej izbie jak w udzielnym i nieskończonym królestwie* (17) [Мириам чувствовала себя в этой тесной комнате, как в удельном и бесконечном царстве]. Подобный контекст зафиксирован в сцене Посещения Марией Елизаветы: *postać Miriam w świadomości Eliszeby kojarzyła się z ubóstwem, z ciężką pracą i z szarym życiem jej rodziców, a nigdy z królewską godnością matki błogosławionej między niewiastami* (26) [фигура Мириам в сознании Элишевы ассоциировалась с бедностью, тяжелой работой и серой жизнью ее родителей, но никогда с царственным достоинством

матери, благословенной между женами]. Кроме предвестия роли Царицы Небесной, в этом видится отсылка и к происхождению из царского рода. Она *róždźka z pnia Iszaja* ‘ветка Древа Иессеева’.

Для характеристики Марии Р. Брандштеттер использует преимущественно мелиоративные определения. Она *silna* ‘сильная’, *gospodarcza* ‘хозяйственная’, *dobra* ‘добрая’ и *czuła* ‘чуткая’. Для номинации используются диминутивы: *dziewczynka* ‘девочка’, *dzieweczka* ‘девочка’. Частотно также близкое по звучанию сочетание имени с эпитетом *mała* ‘маленькая’: *Szczęśliwa będę, jeżeli mój pan <...> uda się z małą Miriam do Nazarethu* (37) [Я буду счастлива, если мой господин отправится с маленькой Мириам в Назарет]. Однако в сцене Благовещения обращают на себя внимание пейоративные номинации, которыми девушка называет саму себя: *nie mogła zrozumieć, dlaczego ona, mała, nic nie znacząca dziewczyna, córka zmęczonych wyrobników, narzeczona cieśli Josefa, ma być wypełniona Łaską Elohim* (19) [она не могла понять, почему она, маленькая, ничего не значащая девушка, дочь уставших работников, невеста плотника Иосифа, должна быть наполнена Лаской Элохим]. Негативные коннотации самономинаций нейтрализуются, подчеркивая скромность Марии.

Фоном для описания внутренних качеств служит внешняя характеристика. Выделяется метафорический эпитет *bielsza nad śnieg* ‘белее снега’, который вступает в языковую игру: *A córka moja, Miriam, wprawdzie jest smagła, albowiem spaliło ją słońce, ale mimo to jest bielsza nad śnieg* (18) [А дочь моя, Мириам, хотя и смуглая, потому что спалило ее солнце, но несмотря на это, белее снега].

Автор подробно описывает некоторые детали внешности Мириам, не приводя при этом ее портрета: *W jej długich, cienkich, ciemnych palcach zogniskowała się teraz cała piękność i mądrość dziewczyny, zakrytej welonem* (49) [В ее длинных, тонких, темных пальцах сконцентрировалась сейчас вся красота и мудрость девушки, закрытой фатой]. В одной из сцен автор описывает одежду Мириам, обращая внимание на тщательную подобранность элементов и желание выглядеть красиво: *Przeważał w jej stroju kolor błękitny <...> a ponieważ błękit dobrze harmonizuje z czernią, na głowę nałożyła czarną chustę, która wyraźnie podkreślała oliwkowy odcień jej twarzy* (61) [В ее одежде преобладал лазурный цвет <...> а поскольку лазурь хорошо гармонирует с черным, на голову она надела черный платок, который выразительно подчеркивал оливковый оттенок ее лица]. Не остается без внимания даже запахи: Мириам пахнет алоэ (49).

Внешний облик Мириам автор связывает с природой Палестины: *Miriam, której piękność porównywał często do owych winnic, cyprysów i oliwek* (15) [Мириам, красоту которой он часто сравнивал с этими виноградниками, кипарисами и оливами]. Другой пример: *zerkając kątem oka na Miriam zauważył w myśli, że jej ciemny profil, prosty i skupiony, świetnie harmonizował z obliczem galilejskiego krajobrazu, którego błękitna przejrzystość była jak gdyby posłusznym odbiciem jej postaci, równie błękitnej i przejrzystej jak to niebo i wzgórze, doliny i potoki* (39) [глядя краем глаза на Мириам, он мысленно заметил, что ее темный профиль, прямой и сосредоточенный, отлично гармонизировал с обликом галилейского пейзажа, лазурная прозрачность которого была как бы послушным отражением ее образа, такого же лазурного и прозрачного, как это небо и холмы, долины и потоки]. Обозначенная связь неслучайна. Создавая мир, Бог воплощал Мириам: *Elohim budował niebiosa na podobieństwo jej postaci i zakreślał łuk niebios nad przepaściami na podobieństwo łuków jej brwi, gdy chmury umacniał w górze na podobieństwo jej granatowych włosów i tworzył głębokie źródła na podobieństwo jej niebieskich oczu. Elohim stworzył człowieka na swoje podobieństwo, ale świat stworzył na podobieństwo smagłej Miriam* (49) [Элохим создавал небеса по подобию ее образа и очерчивал дугу небес над пропастями по подобию дуги ее бровей, тучи закреплял в небе по подобию ее иссиня-черных волос и создал глубокие источники по подобию ее голубых глаз. Элохим создал человека по Своему подобию, но мир создал по подобию смуглой Мириам].

Избранность Марии проявляется не только во внешности. Еще одним признаком ее связи с Богом является музыка: *w palcach Miriam była owa życiodajna muzyka, i dlatego owo klaskanie przywiodło Eliszebę na myśl wołę Bożą, która spoczęła na jej siostrzenicy* (29) [в пальцах Мириам была эта животворная музыка, и поэтому это похлопывание напомнило Элишеве волю Господа, которая была возложена на ее племянницу]. Другая сцена показывает Марию, до глубины души пораженную видом Иерусалима: *Miriam, zachwycona pięknnością świątynnej architektury <...> najchętniej usiadłaby teraz pod jedną z kolumn i poczęła śpiewać na chwałę Niewidzialnego – czuła, jak zbiera w niej muzyka* (78) [Мириам, восхищенная красотой архитектуры храма, предпочла бы сесть сейчас под одной из колонн и петь во славу Незримого – она чувствовала, как набирает в ней силу музыка].

При этом Р. Брандштеттер показывает Мириам обычным живым человеком, эмоциональным, несколько несмелым. Описывая Благовещение, автор подчеркивает усилие, с которым Мария выражает свое согласие: *Poddana woli Bożej zrozumiała, że powinna teraz głośno wyrazić zgodę na to, co się stanie, i już chciała wypowiedzieć ją za pomocą najpiękniejszych słów i najśladziej melodii, ale zabrakło jej pięknych słów i zabrakło słodkiej melodii, i tylko z wielkim trudem przez zaciśnięte gardło zdołała wyszeptać: – Jestem służebnicą Elohim, przeto niechaj się stanie według słowa Jego* (20) [Послушная воле Господа, она поняла, что должна сейчас громко выразить согласие на то, что случится, и уже хотела высказать его при помощи самых прекрасных слов и самой красивой мелодии, но не хватило ей прекрасных слов и красивой мелодии, и только с большим усилием со стиснутым горлом она смогла прошептать: – Я раба Элохим, поэтому пусть будет по слову Его]. Исследовательница текстов писателя А. Сеул анализирует эту сцену, так характеризуя персонажа: «Это единственный фрагмент всей главы, в котором рассказчик отдает голос Марии, подчеркивая вес Ее слов, поскольку они представляют собой кульминационную точку сцены Благовещения. Такая конструкция всей сцены косвенно указывает на то, что мать Иисуса выбирает оставаться в тени, в стороне, в роли покорной служанки» [3, с.187]. Благой Вестью Дева боится поделиться с родителями и Иосифом: *I oto z powodu przesadnej nieśmiałości biedna Miriam była teraz bezradna, smutnie uśmiechała się do rodziców, patrzyła z zakłopotaniem na kochanego Josefa* (21) [И вот по причине чрезмерной несмелости бедная Мириам была сейчас беспомощна, грустно улыбалась родителям, смотрела со смущением на возлюбленного Иосифа].

Как и любая израильская женщина, Мириам целый день трудится, выполняя работы по дому: *Miriam przez cały dzień pracowała. Posprzątała izbę i warsztat Josefa, przyrządziła zimne jadło na Szabat, zakupiła najczystsą oliwę, przyniosła słomę i ściernie na podpałkę w piecu kuchennym, wystarała się u życzliwych sąsiadów o trochę węgla drzewnego i spiesznie – za chwilę zapadało już święto – rozpałiła go w garnku na środku izby, aby mąż po powrocie z synagogi mógł dłonie ogrzać nad żarem* (61) [Мириам целый день работала. Убралась в доме и в мастерской Иосифа, приготовила холодные блюда на шабат, купила самое чистое оливковое масло, принесла солому и жнивье для растопки кухонной печи, попросила у дружелюбных соседей немного древесного угля и спешно – вскоре начинался уже праздник – разожгла его в кастрюле в середине дома, чтобы муж по возвращении из синагоги мог согреть ладони]. По роли в доме автор именует Марию *kapłanka domu* ‘жрица дома’, *najpiękniejsze światło domu* ‘самый прекрасный свет дома’, вкладывая эти номинации в уста Иосифа.

Мириам верна традициям, что автор подчеркивает в сцене Обручения. Лицо Мириам-невесты скрыто фатой в знак подчинения мужу: *na pewno gorące ożywienie malowało się na jej smagłej twarzy, ale tego nikt z obecnych nie dostrzegł, gdyż miała głowę zakrytą welonem na znak poddaństwa* (48) [наверняка горячее оживление рисовалось на ее смуглом лице, но этого никто из присутствующих не заметил, поскольку ее голова была покрыта фатой в знак подчинения]. Уважение традиций настолько сильно, что Иосиф, который понимает некоторую абсурдность происходящего (Мать Божия должна подчиниться человеку), не может преклонить колено перед Марией: *pragnąc potwierdzić swoje przekonanie jawnym aktem pokory, już pochylał się do jej kolan, ale nagle zastygł w postawie półzgiętej, gdyż przypomniał sobie, że zwyczaj nie pozwala oblubieńcowi <...> okazywać nadmiernego wzruszenia i czułości, a przede wszystkim czolobitności izraelskiej niewieście* (49) [желая подтвердить свои убеждения явным актом смирения, он уже наклонился к ее коленям, но неожиданно замер в полусогнутом положении, поскольку вспомнил, что обычай не позволяет жениху проявлять излишнего волнения и нежности, а прежде всего подчинения израильской женщине]. Почтение и любовь Иосифа к Марии выражает и номинация *korona moja* ‘моя корона’: *Jak ochronię przed niebezpieczeństwem koronę moją na obcej drodze?* (66) [Как я смогу защитить от опасности мою корону на чужой дороге?].

Став Матерью, Мария всю себя посвящает Младенцу: *Zarobiona po łokcie w ciężkiej, codziennej pracy, była opiekunką Dziecka, Jego wychowawczynią i nauczycielką, przygotowywała Mu jedzenie, cerowała dziury w tunice, opatrywała Mu palce, gdy się skaleczył, gotowała, prala i przynosiła wodę, i była dla Jezusa symbolem bezpieczeństwa i domu* (119) [Погруженная в тяжелую ежедневную работу, она была опекуном Младенца, Его воспитателем и учителем, готовила Ему еду, штопала дырки в тунике, перевязывала Его пальцы, когда он ударялся, готовила, стирала и приносила воду, и была для Иисуса символом безопасности и дома]. Выделенные номинации описывают ее с новой стороны, открывая ее новую ипостась.

При этом Мириам не понимает до конца, кем является ее Сын. Ее пугает то нечеловеческое, неземное, что время от времени проявляется в Младенце: *nagle ku swojemu przerażeniu dostrzegła*

zmarzszkę pomiędzy czarnymi oczami Dziecka, a w nich ostry błysk, którego w mowie ludzkiej inaczej nie można nazwać jak tylko błyskiem zapalczowości i gniewu. – Przecież to niemożliwe. Zapewne tylko mi się zdawało – pomyślała Miriam (78–79) [вдруг к своему ужасу она заметила морщинку между черными глазами Младенца, а в них острый блеск, который на человеческом языке нельзя назвать иначе, чем блеском вспыльчивости и гнева. – Но ведь это невозможно. Наверное, мне только показалось, – подумала Мириам].

Не знает Мириам, что ждет ее сама. Она теряется, услышав пророческие слова Симеона, не понимает их значения: *– Co on powiedział – spytała Miriam. – Będzie znakiem, któremu będą się sprzeciwiać? Duszę moją przeszyje miecz? Dlaczego będą Mu się sprzeciwiać? Dlaczego duszę moją przeszyje miecz?* (81) [– Что он сказал, – спросила Мириам. – Он будет знаком, которому будут противиться? Мою душу пронзит меч? Почему Ему будут противиться? Почему мою душу пронзит меч?].

Услышав пророчество о приходе Мессии, Мириам не связывает услышанное с Сыном, хотя и чувствует тревогу и страх: *jak przez mgłę widziała jakąś staruszkę, która chwaliła Boga i opowiadała o jakimś Dziecięciu mającym zbawić Jerozolimę, i słuchając jej oderwanych i nieskładnych słów nie rozumiała, o jakim Dziecięciu staruszka prorokuje i o jakim zbawieniu mówi, i tylko pragnęła jak najszybciej wydostać się z tego miasta* (82) [как сквозь туман видела какую-то старушку, которая восславляла Бога и рассказывала о каком-то Младенце, который должен избавить Иерусалим, и слушая ее разрозненные и несладные слова, не понимала, о каком Младенце старушка пророчесствует, и о каком избавлении говорит, и только желала как можно скорее выбраться из этого города].

Несмотря на непонимание и страх, Мария доверяется воле Божьей. Знаковой представляется также полная доверия и смирения фраза, сказанная Мириам в ответ на сомнения Иосифа о будущем Семейства: *Dlaczego mój pan zaprzęta sobie głowę troskami, skoro dobrze jest tak, jak jest?* (110) [Зачем мой господин беспокоится, если хорошо и так, как есть?]. Мириам *poddana służebnica* ‘послушная служанка’, *naczynie dawno dokonanych wyroków* ‘сосуд давно принятых решений’. Принимая волю Бога, она сознательно отходит на второй план, уходит в тень.

Выражением роли, возложенной на Марию, представляется номинация *niewiasta cienia* ‘жена тени’: *rozpalała w Nim uczucie wdzięczności dla tej, która będąc niewiastą Cienia, zawsze umiała pozostać w cieniu* (158) [будила в нем чувство благодарности той, которая будучи женой Тени, всегда умела оставаться в тени]. А. Сеул видит в этой метафоре отражение отношения к женщинам, принятым в еврейской культуре того времени, а также актуализацию устойчивого словосочетания *ostawać w тени* [3, с.192]. Исследовательница указывает также на теологический смысл такой номинации: «В свете учения Иисуса то, что унижено, определенно получает первенство перед тем, что ищет собственного возвышения. С этой точки зрения можно усмотреть особенную ценность позиции Марии» [3, с. 186].

Впервые метафора тени появляется в сцене Непорочного зачатия: *Nagle poczuła na sobie cień, który ją coraz szcелniej otulał. Otworzyła oczy i spostrzegła, że pada na nią cienista smuga, chociaż na rozżarzonem niebie nie było ani jednego obłoku, ale mimo to cień padał od obłoku, gdyż cień był obłokiem, a obłok cieniem, a razem byli Szechiną, obecnością Jahwe, Jego mieszkaniem i objawieniem, cienistoobłocznym JESTEM, który wpłynął w krew Miriam i wraz z krwią wypełnił wszystkie komórki jej ciała, aż do ostatnich granic jej jestestwa* (20) [Вдруг она почувствовала на себе тень, которая ее все сильнее окутывала. Она открыла глаза и увидела, что на нее падает полоса тени, хотя на раскаленном небе не было ни единого облака, но, несмотря на это, тень падала от облака, поскольку тень была облаком, а облако – тенью, а вместе они были шехиной, присутствием Яхве, Его обителью и явлением, тенисто-облачным Я, которое влилось в кровь Марии и вместе с кровью наполнило все клетки ее тела до самых границ ее естества]. Тень – символ Святого духа.

В романе представлено и другое понимание названной метафоры. Автор обращается к образу тени, описывая момент перехода Иисуса под опеку отца: *Miriam zrozumiała, że Jezus z dniem dzisiejszym przechodzi pod opiekę ojcowską, a ona, niewiasta cienia, ongi ocieniona przez Pana, musi usunąć się w cień i zrobić miejsce Josefowi, który kierować będzie wychowaniem Chłopca <...>. Opuściła głowę i znalazła się poza zasięgiem światła padającego z wątłej lampki oliwnej, i była dosłownie i przenośnie tak bardzo pogrążona w cieniu, że ani Jezus, ani Josef nie widzieli łez, które spływały po jej młodej, lecz zmęczonej twarzy* (122) [Мириам поняла, что Иисус с сегодняшнего дня переходит под опеку отца, а она, невеста тени, когда-то осененная Господом, должна отойти в тень и уступить место Иосифу, который будет управлять воспитанием Мальчика <...>. Она опустила голову и оказалась за пределами света, падающего от слабой масляной лампы, и была дословно и переносно так сильно

погружена в тень, что ни Иисус, ни Иосиф не видели слез, которые текли по ее молодому, но уставшему лицу]. А. Сеул характеризует эту сцену так: «Основной чертой образа Мириам является Ее исключительная чуткость, а вместе с тем сдержанность и умение отказаться от себя. Поэтому – не без понятной боли – она отодвигается на второй план, чтобы занять свое место служанки рядом с Сыном» [3, с.192]. Богородица отступает на второй план, поскольку так предписывает религиозная традиция. Тень – символ повиновения, отречения от себя.

Итак, Дева Мария в романе Р. Брандштеттера «Иисус из Назарета» – прежде всего человек с его сомнениями, страхами и надеждами. Она лишена божественных черт. Несмотря на богоизбранность, выражающуюся во внешности и музыкальной одаренности, ей не доступно ни понимание сущности Сына, ни знание о грядущих событиях и своей роли в них. Ее образ, по сути, пассивен, не участвует в развитии сюжета, проявляется лишь на фоне отношений с мужем, Сыном и Господом. Однако, как замечает А.Сеул, «... этот уровень так называемой пассивности, рассматриваемой с точки зрения мистической теологии, свидетельствует о Ее самой высокой активности в полном принятии и реализации воли Бога в своей жизни» [3, с.186]. Точнее всего оба эти смысла выражены номинацией *niewiasta cienia* ‘жена тени’.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brandstaetter R. Jezus z Nazarethu. Tom I. Czas milczenia. Tom II. Czas wody żywej. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1987. 526 s.
2. Nalewaj A. Judasz Iskariota w powieści Romana Brandstaettera Jezus z Nazarethu // Studia Warmińskie. 2019. № 56. S. 195–211.
3. Seul A. Biblia w powieści Romana Brandstaettera “Jezus z Nazarethu”. Zielona Góra: Uniwersytet Zielonogórski, 2004. 297 s.

Поступила в редакцию 23.01.2023

Румянцева Ольга Сергеевна, аспирант кафедры славянской филологии
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1
E-mail: o.rumiantceva@yandex.ru

O.S. Rumyantseva

THE IMAGE OF VIRGIN MARY IN R. BRANDSTAETTER'S NOVEL "JESUS Z NAZARETHU" AND LEXICAL MEANS OF CREATING IT

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-927-932

The article focuses on the image of the Virgin Mary in the novel "Jezus z Nazarethu" by the Polish writer R. Brandstaetter. Character development is examined, lexemes selected by the writer for the nomination of the character and their role in revealing the artistic idea of the work are analyzed in detail. The article establishes the duality of the image: showing the poverty of the family, the author notes the royal dignity of Miriam. Connecting her with the divine by describing her appearance and love of music, the writer presents her as an ordinary person who doesn't have the capacity to understand God's intention. The mentioned versatility of the image is actualized in the nomination *niewiasta cienia* ‘wife of the shadow’, that was analyzed in detail: pointing to a woman's position of dependence in traditional Jewish society, the author stresses that Miriam is chosen by God, because the shadow becomes a metaphor for God. The shadow is also a symbol of submission and self-denial, emphasizing some passivity of Miriam in the novel and at the same time activity in the realization of the will of God in her life.

Keywords: the image of Saint Mary; Polish literature; Polish language; means of creating an image; nomination; R.Brandstaetter; “Jezus z Nazarethu”.

REFERENCES

1. Brandstaetter R. Jezus z Nazarethu. Tom I. Czas milczenia. Tom II. Czas wody żywej. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1987. 526 s. (In Polish).
2. Nalewaj A. Judasz Iskariota w powieści Romana Brandstaettera Jezus z Nazarethu // Studia Warmińskie. 2019.

№ 56. S. 195–211. (In Polish).

3. Seul A. Biblia w powieści Romana Brandstaettera “Jezus z Nazarethu”. Zielona Góra: Uniwersytet Zielonogórski, 2004. 297 s. (In Polish).

Received 23.01.2023

Rumyantseva O.S., Postgraduate Student of Department of Slavic Philology
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory, 1, Moscow, Russia, 119991
E-mail: o.rumiantceva@yandex.ru